СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ I, № 1.

ОТЧЕТЪ

ПО

ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ЗА 1865 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ Я. К. ГРОТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1866.
Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.
(В. О., 9 лин., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 4 Іюня 1866 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

ОТЧЕТЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1865 годъ,

СОСТАВЛЕННЫЙ АКАДЕМИКОМЪ Я. К. ГРОТОМЪ.

Въ лѣтописяхъ Академіи Наукъ за истекающій годъ самымъ виднымъ событіемъ представляется празднованіе столѣтней годовщины смерти Ломоносова.

Мысль о памятованіи этого дня занимала Отдѣленіе русскаго языка и словесности еще въ 1864 году. По возбужденному имъ вопросу о томъ и по предложенію г. президента, адмирала Ѳ. П. Литке, Общее Собраніе назначило изъ среды всѣхъ трехъ Отдѣленій коммиссію для разсмотрѣнія, въ какой формѣ приличнѣе всего могло бы быть выражено Академіею уваженіе къ памяти знаменитаго члена ея. Согласное съ мнѣніемъ этой коммиссіи заключеніе Общаго Собранія удостоилось Высочайшаго утвержденія и было приведено въ исполненіе торжественнымъ собраніемъ Академіи 6-го апрѣля сего года. На этомъ собраніи, въ присутствіи многочисленной и разнообразной публики, прочитаны были: академикомъ Гротомъ *очеркъ академической дѣятельности Ломоносова* и академикомъ Никитенко—рѣчь *о значеніи Ломоносова въ отношеніи къ изящной русской словесности*. Оба чтенія тогда же были изданы.

Сверхъ торжественнаго памятованія Ломоносова, Отдѣленіе положило ходатайствовать объ учрежденіи при Академіи, по этому случаю, преміи и о выбитіи медали въ честь славнаго русскаго ученаго. Полное развитіе первой изъ этихъ двухъ мыслей было предупреждено представленіемъ самого г. президента объ установленіи ломоносовской преміи для раздачи за важныя изобрѣтенія и открытія, сдѣланныя въ Россіи и обѣщающія особенно полезныя примѣненія въ промышленности и техническихъ производствахъ. Вслѣдствіе того, г. министромъ народнаго просвѣщенія исходатайствовано было Всемилостивѣйшее соизволеніе на учрежденіе при Академіи ежегодной преміи въ 1,000 руб., на основаніяхъ, которыхъ обсужденіе въ подробности было предоставлено самой Академіи и которыя впослѣдствіи утверждены г. министромъ.

Предположеніе Отдѣленія о выбитіи ломоносовской медали получило дальнѣйшій ходъ въ назначенной Общимъ Собраніемъ на этотъ конецъ особой коммиссіи; изготовленіе Высочайше одобренной на этомъ основаніи медали поручено академику Брусницыну и приближается нынѣ къ окончанію.

Въ связи съ празднованіемъ Академіею столѣтней памяти Ломоносова долженъ быть упомянутъ трудъ академика Билярскаго, окончательно отпечатанный ко дню этого празднества и выпущенный въ свѣтъ, подъ заглавіемъ: *Матеріалы для біографіи Ломоносова.*

Это собраніе документовъ, обставленное собственными примѣчаніями редактора, дополняется, съ одной стороны, двумя томами, изданными при историко-филологическомъ Отдѣленіи академикомъ Куникомъ, подъ заглавіемъ: *Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ*, а съ другой — трудомъ посторонняго ученаго, предоставленнымъ въ распоряженіе нашего Отдѣленія. Г. Пономаревъ, преподаватель русской словесности въ Петровскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ Полтавѣ, доставилъ въ Академію, ко дню ломоносовскаго торжества, рукопись, содержащую собраніе библіогра-

фическихъ указаній къ сочиненіямъ знаменитаго академика. Отдѣленіе, признательно принявъ этотъ полезный трудъ, выполненный съ замѣчательною добросовѣстностью и со всею полнотой, какой только можно было достигнуть въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ центровъ образованія, вошло съ почтеннымъ доставителемъ въ сношенія о способахъ дать его работѣ оконченность и сдѣлать ее современемъ доступною публикѣ. Впослѣдствіи Отдѣленіе получило также отъ Г. Н. Геннади, въ рукописи, составленный имъ *указатель печатныхъ свѣдѣній о М. В. Ломоносовѣ*. Этотъ трудъ принятъ равномѣрно съ благодарностью и будетъ употребленъ сообразно съ его назначеніемъ. Къ этимъ матеріаламъ присоединился еще *списокъ первоначальныхъ изданій* нѣкоторыхъ мелкихъ сочиненій Ломоносова, составленный А. А. Куникомъ по экземплярамъ ихъ, находящимся въ академической библіотекѣ.

Упомянувъ о трудахъ, предпринятыхъ въ связи съ празднованіемъ памяти Ломоносова, перехожу къ обозрѣнію ученой дѣятельности отдѣльныхъ академиковъ.

Труды высокопреосвященнаго Филарета московскаго были слѣдующіе: 1) всеподданнѣйшее привѣтственное письмо къ Государю Императору предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій соборъ 15-го августа; 2) всеподданнѣйшее привѣтственное письмо къ Государю Императору въ день тезоименитства Его Величества, 30-го августа; 3) рѣчь, произнесенная въ Свято-Троицкой Сергіевской Лаврѣ при встрѣчѣ Его Императорскаго Величества 19-го августа; 4) изъясненіе на слова книги Бытія 3, 22: *Се Адамъ бысть яко единъ отъ насъ*. Сверхъ этихъ произведеній, представляющихъ отрадное доказательство не слабѣющей и въ преклонныхъ лѣтахъ дѣятельности знаменитаго первосвятителя нашего, въ нынѣшнемъ году появились въ печати еще два прежніе труда его высокопреосвященства: 1) писанные въ 1825 году «Отвѣты на нѣсколько возраженій противъ православной Церкви» (сдѣланныхъ въ одной французской книгѣ: «Разговоры между испытующимъ и увѣрен-

нымъ о православіи восточной каѳолическої Церкви»), и 2) «Нѣчто о древнемъ образѣ крестнаго знамени», статья, написанная по поводу напечатанной въ 1846 году замѣтки объ этомъ предметѣ.

Съ чувствомъ глубокой признательности мы должны здѣсь присовокупить, что Отдѣленіе, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, имѣло случай убѣдиться въ живомъ и просвѣщенномъ участіи, какое маститый архипастырь не перестаетъ принимать въ дѣятельности Академіи. Когда, минувшимъ лѣтомъ, академикъ Срезневскій, по порученію Отдѣленія, посѣтилъ Москву для археологическихъ розысканій, то высокопреосвященный Филаретъ, по ходатайству г. президента, оказалъ самое благосклонное вниманіе къ предпріятію нашего сочлена и особымъ распоряженіемъ открылъ ему свободный доступъ ко всѣмъ хранилищамъ рукописей, состоящимъ какъ въ вѣдѣніи московской синодальной конторы, такъ и въ московскомъ епархіальномъ вѣдомствѣ. Вслѣдствіе того, И. И. Срезневскій, по возвращеніи изъ своего путешествія, могъ представить Отдѣленію богатое и важное для изученія русской старины собраніе рисунковъ и снимковъ, снятыхъ имъ въ синодальной библіотекѣ и ризницѣ, въ ризницѣ и библіотекѣ Чудова монастыря, въ библіотекѣ синодальной типографіи, въ библіотекѣ и ризницѣ Троицкой Лавры, также въ библіотекѣ Духовной Академіи, какъ прежней, такъ и присоединенной къ ней волоколамской. Разсмотрѣвъ, сверхъ того, рукописи Оружейной палаты, Румянцовскаго музея и частныхъ собраній Подключникова, Сорокина и Лобкова, г. Срезневскій успѣлъ открыть нѣсколько новыхъ памятниковъ древней письменности, между прочимъ такъ-названную имъ *Саввину книгу*, которую, по его мнѣнію, слѣдуетъ отнести къ XI вѣку, и которая нынѣ уже печатается. Подробный отчетъ о результатахъ этого путешествія будетъ также изданъ.

Изъ трудовъ, прежде оконченныхъ академикомъ Срезневскимъ, были въ этомъ году напечатаны:

1) Сводъ и продолженіе свѣдѣній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ русской и славянской древности. Важнѣе другихъ въ числѣ этихъ памятниковъ: а) древній глаголическій списокъ поученій Ефрема Сирина; б) галицкій списокъ тѣхъ же поученій конца XIII вѣка (1288 года), съ признаками чисто-русскаго правописанія, представляющій данныя, очень важныя для рѣшенія вопроса о южно-русскомъ нарѣчіи, и отчасти его отличія отъ нарѣчія сѣверно-русскаго въ древности; в) поученіе черноризца Георгія, XIII вѣка, давшее поводъ, между прочимъ, къ изслѣдованіямъ о монастырѣ Зарубскомъ, находившемся на югъ отъ Кіева, близъ перевоза черезъ Днѣпръ къ Переяславлю.

2) «Обозрѣніе древнѣйшихъ памятниковъ письма и языка югозападныхъ Славянъ», извлеченіе изъ большаго труда, представленнаго Отдѣленію въ рукописи: «Древніе памятники письма и языка югозападныхъ Славянъ». Этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ хронологическое обозрѣніе всѣхъ доселѣ открытыхъ памятниковъ кирилловскихъ, глаголическихъ и латинскихъ славянскаго языка, какъ онъ былъ употребляемъ югозападными Славянами, именно: книгъ, записей въ книгахъ, на стѣнахъ и вещахъ, надписей на крестахъ, монетахъ и проч., до конца XIII вѣка. Кромѣ памятниковъ, сохранившихся въ подлинникѣ или въ древнихъ спискахъ, въ этотъ сборникъ вошли и указанія памятниковъ, несохранившихся или еще не найденныхъ. Памятники приведены въ порядокъ хронологическій, по свидѣтельствамъ и соображеніямъ историческимъ и палеографическимъ, и представлены въ дословныхъ чтеніяхъ, частію по древнимъ спискамъ, на сколько возможно, сравнительно. Они будутъ напечатаны, съ приложеніемъ снимковъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

3) Замѣчанія о фрейзингенскихъ статьяхъ и о житіи св. Вячеслава чешскаго, въ видѣ прибавленій къ «Филологическимъ наблюденіямъ» академика Востокова.

Подъ этимъ послѣднимъ заглавіемъ напечатано въ настоя-

щемъ году академикомъ Срезневскимъ, по порученію Отдѣленія, собраніе филологическихъ статей покойнаго нашего ученаго, разсѣянныхъ въ разныхъ изданіяхъ.

4) Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова, между прочимъ и неизданныхъ.

Академикъ Погодинъ издалъ, по порученію Общества Любителей Русской Словесности, въ память о совершившемся тысячелѣтіи славянской письменности и русскаго христіанства, *Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ*, гдѣ помѣстилъ и нѣкоторыя собственныя свои статьи. Сверхъ того онъ составилъ и приготовилъ къ печати біографію Карамзина по его письмамъ, сочиненіямъ и по запискамъ современниковъ.

Академикъ, преосвященный Макарій харьковскій напечаталъ два новые тома (4-й и 5-й) своей *Исторіи Русской Церкви*, обнимающіе монгольскій періодъ и заключающіе въ себѣ множество драгоцѣнныхъ новыхъ свѣдѣній, добытыхъ самостоятельными изслѣдованіями автора и основывающихся на рукописныхъ памятникахъ, еще небывшихъ въ печати. Онъ же помѣстилъ въ повременныхъ изданіяхъ, выходящихъ въ Харьковѣ, нѣсколько произнесенныхъ имъ словъ и рѣчей.

Академикъ Никитенко занимался составленіемъ біографіи извѣстнаго въ исторіи русской науки и литературы профессора *Галича*. Трудъ этотъ будетъ изданъ.

Академикъ Гротъ напечаталъ съ своими примѣчаніями 3-й томъ критическаго изданія сочиненій Державина, содержащій въ себѣ, между прочимъ, большое число неизвѣстныхъ доселѣ стихотвореній нашего лирика. Сверхъ того, онъ приготовилъ для чтенія въ годичномъ торжественномъ собраніи Академіи *характеристику Державина, какъ поэта*.

Академикъ Билярскій въ первые мѣсяцы года оканчивалъ печатаніе своего сборника *Матеріаловъ для біографіи Ломоносова*. Знакомство его съ документами по этому предмету, хранящимися въ архивахъ Академіи, относится еще къ 40-мъ годамъ: многіе изъ нихъ онъ тогда же и выписалъ; ихъ важности

нельзя было не видѣть; но ни тогдашнее положеніе русской литературы, ни ученые интересы собирателя не вызывали его на предпріятіе издать ихъ. Онъ имѣлъ ихъ въ виду на будущее время, особенно наслучай собственной надобности. Эта надобность обнаружилась для него въ 1863 году, когда онъ обдумывалъ способъ разбора языка Ломоносова. Чтобы оцѣнить постепенные успѣхи языка у этого писателя, необходимо было не только привести его сочиненія въ строгій хронологическій порядокъ, но и ознакомиться ближе съ обстоятельствами, при которыхъ они были предприняты и выполнены: нужно было знать, въ какой мѣрѣ обстоятельства благопріятствовали литературному ихъ достоинству. Для этой цѣли никакая подробность свѣдѣній не могла казаться лишнею, и изъ *библіографическаго* предпріятія само собой должно было возникнуть собраніе матеріаловъ для *біографіи* Ломоносова и даже для исторіи нашего образованія. Источники этихъ матеріаловъ и система ихъ размѣщенія объяснены въ предисловіи къ упомянутому выше сборнику. Вскорѣ по изданіи этого труда, г. Билярскій, получивъ каѳедру русской словесности въ новороссійскомъ университетѣ, переселился на жительство въ Одессу; вслѣдствіе того прекратилась и дѣятельность его по редакціи *Записокъ* Академіи.

Академикъ Пекарскій, продолжая работы по составленію исторіи Академіи Наукъ, разсмотрѣлъ и описалъ находящееся въ Императорской Публичной библіотекѣ собраніе бумагъ Штелина. Описаніе это, вмѣстѣ съ извлеченіями изъ болѣе примѣчательныхъ писемъ къ этому академику, напечатано.

Затѣмъ онъ обратился къ бумагамъ исторіографа Миллера, въ архивѣ академической конференціи. Онѣ составляли часть собранія, которое было пріобрѣтено императрицею Екатериною II для московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, съ выдачею Миллеру 20,000 рублей. Въ 1830 году академикъ Гамель довелъ до свѣдѣнія тогдашняго президента Академіи Наукъ о существованіи въ помянутомъ

архивѣ множества рукописей Миллера, относящихся частію къ ученому его путешествію по Сибири, частію же къ исторіи Академіи. По ходатайству С. С. Уварова, министръ народнаго просвѣщенія князь Ливенъ обращался къ вице-канцлеру съ просьбой о передачѣ въ собственность Академіи помянутыхъ бумагъ. Графъ К. В. Нессельроде входилъ о томъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, на который 9-го марта 1831 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе, съ тѣмъ однако, чтобы 1) изъ бумагъ, которыя окажутся вдвойнѣ, оставлено было въ московскомъ Главномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ по одному экземпляру; 2) чтобы списанные въ разныхъ сибирскихъ городахъ старинные акты, изъ коихъ многіе внесены и напечатаны уже съ обозначеніемъ принадлежности ихъ архиву въ изданныхъ тогда четырехъ частяхъ «Государственныхъ грамотъ и договоровъ», оставлены были въ библіотекѣ архива, равно историческія свѣдѣнія, собранныя Миллеромъ, и вообще всѣ тѣ бумаги, которыя не относятся собственно до Академіи.

Поступившія этимъ путемъ въ Академію бумаги изъ собранія Миллера, въ 95 портфеляхъ, заключаютъ въ себѣ всю обширную переписку, веденную имъ со времени возвращенія его изъ Сибири, а также множество черновыхъ бумагъ, записокъ и представленій по академическимъ дѣламъ. Здѣсь письма къ Миллеру отъ Леонарда Эйлера, Палласа, Георги, Гмелина младшаго, Соймонова, Рычкова и др. заслуживаютъ особеннаго вниманія изслѣдователя по богатству и разнообразію своего содержанія, а записки, представленія и пр. по академическимъ дѣламъ писаны по большей части рукою самого Миллера и особенно важны для исторіи Академіи, въ которой онъ около сорока лѣтъ былъ дѣятельнѣйшимъ членомъ. Кромѣ пользованія этими матеріалами для исторіи собственно Академіи, П. П. Пекарскій, при помощи ихъ, а также небывшей до-сихъ-поръ въ виду изслѣдователей переписки академическаго совѣтника Шумахера, собралъ рядъ новыхъ свѣдѣній о Ломоносовѣ и

вообще объ отношеніяхъ бывшихъ до него и при немъ академиковъ къ академической канцеляріи, у которой тогда были они въ полной подчиненности. Эти свѣдѣнія также напечатаны.

Миллеровское же собраніе дало г. Пекарскому возможность приступить къ составленію обстоятельнаго жизнеописанія П. И. Рычкова, перваго изъ русскихъ члена-корреспондента Академіи. Извлеченіе изъ этого труда, въ формѣ рѣчи, приготовлено авторомъ къ чтенію въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ 29-го декабря 1865 года [1]).

Наконецъ г. Пекарскій, по порученію Академіи, занимался разсмотрѣніемъ сочиненія профессора петербургской Духовной Академіи г. Чистовича, подъ заглавіемъ «Ѳеофанъ Прокоповичъ», которое представлялось на соисканіе демидовскихъ премій. Подробное изложеніе результатовъ этого разсмотрѣнія печатается.

Между трудами постороннихъ ученыхъ, бывшихъ въ сношеніяхъ съ Отдѣленіемъ, должны быть упомянуты два, которыхъ изданіе оно взяло на себя:

1) Составляемое архимандритомъ Амфилохіемъ *палеографическое описаніе памятниковъ византійской письменности съ IX вѣка по конецъ XVII*, находящихся въ московской синодальной библіотекѣ, въ собраніяхъ гг. Севастьянова, Норова и другихъ. Трудомъ этимъ ученый архимандритъ занимается уже нѣсколько лѣтъ. Собравъ множество матеріаловъ, снимковъ и выписокъ, онъ предпринялъ обработку ихъ по строго-обдуманному плану и рѣшился издать ихъ съ приложеніемъ выписокъ какъ въ подлинникѣ, такъ и въ славянскомъ переводѣ. По представленію академика Срезневскаго, Отдѣленіе, находя, что предпріятіе извѣстнаго уже Академіи ученаго обѣщаетъ неоспоримую пользу для изслѣдованія древнѣйшей славянской письменности, опредѣлило: трудъ этотъ, по мѣрѣ изготовленія его, печатать при Отдѣленіи.

[1]) Теперь оно уже напечатано («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1866 г., № 5 и 7).

2) Составленный г. Носовичемъ *Бѣлорусскій Словарь*, который на послѣднемъ демидовскомъ конкурсѣ заслужилъ половинную премію и представляетъ весьма важный матеріалъ для изученія русскаго языка въ его нарѣчіяхъ, печатается при Отдѣленіи, подъ надзоромъ академика Срезневскаго.

Заключая отчетъ о трудахъ Отдѣленія, я долженъ исполнить еще и другую, печальную обязанность лѣтописца его — заявленіемъ о понесенныхъ имъ утратахъ [1]). Въ концѣ года оно лишилось двухъ изъ старѣйшихъ членовъ своихъ: Арсеньева и Плетнева.

Въ обстоятельствахъ жизни обоихъ было много сходнаго. Тотъ и другой происходили изъ духовнаго званія, воспитывались въ главномъ педагогическомъ институтѣ, занимали каѳедры въ петербургскомъ университетѣ, участвовали въ воспитаніи нынѣ царствующаго Государя Императора и, наконецъ, сдѣлались въ одно время членами Академіи Наукъ.

Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ былъ тремя годами старше Плетнева: онъ родился 12-го октября 1789 года, въ Костромской губерніи; отецъ его былъ сельскимъ священникомъ и послалъ сына учиться въ Костромскую семинарію, откуда даровитый молодой человѣкъ поступилъ въ Педагогическій институтъ. Любопытно, какъ онъ впослѣдствіи самъ отзывался о полученномъ имъ первоначальномъ воспитаніи: «Постоянство въ занятіяхъ, трудолюбіе, основательность въ изученіи, терпѣливость въ трудахъ суть отличительныя качества воспитанниковъ духовныхъ училищъ... Какое благодѣтельное вліяніе (говоритъ онъ далѣе) можетъ имѣть просвѣщенный и благонамѣренный священникъ на умы простолюдства! Итакъ, совершенство духовныхъ училищъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ

[1]) Этотъ послѣдній отдѣлъ Отчета приготовленъ былъ къ чтенію въ другомъ видѣ. Онъ измѣненъ, вслѣдствіе полученнаго 30-го декабря извѣстія о кончинѣ П. А. Плетнева. Некрологъ его см. въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 1866 г., № 1, также въ «Соврем. Лѣтописи» № 2, въ «Сѣверн. Почтѣ» № 16 и въ сборникѣ «Утро». Некрологъ К. И. Арсеньева—въ «Спб. же Вѣдомостяхъ» 1865 г., № 318, и въ «Сѣверной Почтѣ» 1865 г., № 263.

предметовъ попеченія правительства. Многіе знаменитые политики справедливо утверждаютъ, что опредѣлять священниковъ безъ познаній совершенно противно благосостоянію государства». Строки эти взяты изъ его «Начертанія статистики россійскаго государства», напечатаннаго въ 1818 году. Это было первое сочиненіе, которое онъ издалъ по окончаніи, въ 1811 году, курса наукъ въ Педагогическомъ институтѣ и по опредѣленіи въ 1817 г. адъюнктъ-профессоромъ при здѣшнемъ университетѣ. Въ этой замѣчательной книгѣ виденъ уже человѣкъ, стоящій на высотѣ передовыхъ дѣятелей науки и смѣло высказывающій новыя для современнаго общества истины. На долю Арсеньева выпала честь сдѣлаться предметомъ гоненій со стороны извѣстныхъ обскурантовъ: Магницкаго и Рунича. Первый подалъ доносъ на его книгу, стараясь представить ее опасною для спокойствія государства, а второй, по должности попечителя петербургскаго учебнаго округа, подвергъ Арсеньева, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими профессорами, отвѣтственности за его лекціи и записки. Вслѣдствіе произведеннаго надъ нимъ суда, Арсеньевъ въ 1824 г. долженъ былъ оставить университетъ; но, къ счастью, онъ имѣлъ уже сильныхъ покровителей. Будучи также преподавателемъ въ Артиллерійскомъ училищѣ и въ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, онъ былъ лично извѣстенъ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, по представленіямъ которыхъ и удостоился уже въ 1825 и 1826 г. получить Высочайшее благоволеніе и два подарка; послѣдній изъ нихъ былъ наградою за новое его сочиненіе: «Исторія народовъ и республикъ древней Греціи».

По воцареніи Императора Николая, Арсеньевъ былъ приглашенъ въ число наставниковъ Наслѣдника престола для преподаванія Его Высочеству русской исторіи и статистики, и какъ пособіе при этихъ занятіяхъ онъ издалъ «Статистику Россійской Имперіи». Съ 1835 года ему, по Высочайшему повелѣнію, открытъ былъ доступъ въ Государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ для извлеченія матеріаловъ

по русской исторіи XVIII столѣтія, которую онъ въ то время преподавалъ нынѣ царствующему Государю Императору. Арсеньевъ былъ въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Наслѣдника Цесаревича, въ 1837 г., въ путешествіи по Россіи, и заблаговременно приготовилъ, по возложенному на него порученію, рядъ историческихъ и статистическихъ замѣчаній о мѣстахъ, лежавшихъ на пути Его Императорскаго Высочества. Послѣднимъ трудомъ его по части статистики были изданные имъ въ 1848 году и посвященные Августѣйшему ученику его «Статистическіе очерки Россіи». Они представляютъ отчасти дальнѣйшее развитіе мыслей и свѣдѣній, изложенныхъ имъ въ первомъ сочиненіи его, появившемся 30-ю годами ранѣе. Изъ предисловія къ «Статистическимъ очеркамъ» видно, что онъ считалъ эту книгу только началомъ разнообразныхъ работъ по тому же предмету, которыя однакожъ, къ сожалѣнію, не явились въ печати.

Арсеньевъ былъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. Въ 1826 году онъ былъ избранъ корреспондентомъ Академіи Наукъ; въ 1836 г. (14-го марта) сдѣлался членомъ Россійской Академіи, а съ 1841 года принадлежалъ къ составу Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Главная дѣятельность его, какъ академика, заключалась въ изслѣдованіяхъ, относившихся къ русской исторіи. Они указаны, какъ и другіе многочисленные труды его по географіи и статистикѣ, въ статьѣ нашего сочлена, П. П. Пекарскаго [1]), пользовавшагося при составленіи ея всѣми имѣющимися покуда въ виду источниками для біографіи покойнаго, почему тѣ обстоятельства, которыя у него развиты довольно подробно, здѣсь только обозначены мною. Нужнымъ считаю, однакожъ, указать еще на одну услугу, оказанную Арсеньевымъ новѣйшей русской исторіи. Онъ первый отыскалъ и спасъ отъ забвенія записку Карамзина «*О*

---

[1]) «Энциклоп. Словарь», т. V, Спб. 1862.

древней и новой Россіи», которая считалась потерянною [1]). Въ началѣ 1824 года, незадолго до выхода изъ университета, Арсеньевъ вступилъ на поприще гражданской службы: онъ былъ опредѣленъ редакторомъ въ Коммиссію составленія законовъ, а по преобразованіи ея черезъ два года во II Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, оставленъ былъ здѣсь въ званіи старшаго чиновника. Награды, которыя онъ получалъ въ послѣдующіе годы одну за другою, показываютъ, какъ цѣнились его труды и въ этомъ кругѣ дѣйствія. Въ 1835 году учреждено было по его мысли, при совѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ, Статистическое Отдѣленіе, имѣвшее цѣлью упрочить въ Россіи успѣхи статистики и распространить изученіе отечества въ этомъ отношеніи [2]). Арсеньеву, назначенному членомъ этого отдѣленія (впослѣдствіи Статистическаго Комитета), вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было управлять его дѣлами. Къ занятіямъ нашего ученаго по этой должности относятся и частыя командировки его въ разныя губерніи; одну изъ такихъ поѣздокъ, въ 1852 году, онъ совершилъ, какъ членъ особой коммиссіи, съ историческою цѣлью—для точнѣйшаго опредѣленія мѣста погребенія князя Пожарскаго. Съ 1856 года Арсеньевъ принадлежалъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ только въ званіи члена его совѣта.

Въ 1861 году тяжкая болѣзнь нанесла тѣлеснымъ и умственнымъ силамъ его ударъ, отъ котораго онъ уже не могъ оправиться. Разбитый параличемъ, онъ провелъ послѣднее вре-

[1]) Слышано отъ графа Д. Н. Блудова, который разсказывалъ: «По кончинѣ императора Александра, я не нашелъ въ бумагахъ его этой записки, но она отыскана вскорѣ послѣ смерти Аракчеева. Однажды приходитъ ко мнѣ К. И. Арсеньевъ и спрашиваетъ, знаю ли я записку Карамзина о древней и новой Россіи.—Знаю про нее, но не читалъ.—«Могу вамъ ее доставить, но не требуйте, чтобъ я вамъ сказалъ, откуда я ее имѣю». Вѣроятно, — прибавилъ графъ Блудовъ, — она нашлась въ бумагахъ Аракчеева: Государь, получивъ ее въ Твери отъ Екатерины Павловны, отправился оттуда прямо въ Грузино, и тамъ могъ оставить ее своему любимцу.

[2]) Изъ его же «Начертанія статистики» (стр. XIV) видно, что первоначально подобное статистическое отдѣленіе основано было министромъ полиціи А. Д. Балашевымъ, при подвѣдомственномъ ему министерствѣ.

мя жизни въ Петрозаводскѣ, городѣ, знакомомъ ему по воспоминаніямъ молодости: оставшись, по окончаніи курса наукъ, при Педагогическомъ институтѣ въ качествѣ преподавателя, онъ, во время нашествія Наполеона, отправленъ былъ туда съ студентами этого заведенія и прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ въ концѣ 1812 и началѣ 1813 годовъ. Въ Петрозаводскѣ же онъ и умеръ, 29-го ноября 1865 года, въ домѣ сына своего, Юлія Константиновича, начальника Олонецкой губерніи, и похороненъ въ одной изъ городскихъ церквей [1]).

Арсеньевъ былъ, какъ на ученомъ, такъ и на гражданскомъ поприщѣ, однимъ изъ самыхъ честныхъ, добросовѣстныхъ и неутомимыхъ русскихъ дѣятелей; онъ передалъ своему потомству чистое, безукоризненное имя, которымъ русская наука можетъ, по справедливости, гордиться.

Кончина П. А. Плетнева послѣдовала въ самый день, къ которому приготовленъ былъ настоящій отчетъ, и потому здѣсь можетъ быть представлена только краткая біографическая о немъ замѣтка. Онъ родился 10-го августа 1792 года, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, и получилъ первое образованіе въ тверской семинаріи. Въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ окончилъ онъ курсъ въ 1814 году и поступилъ учителемъ словесности сперва въ Екатерининскій институтъ, находившійся подъ управленіемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, а потомъ въ институтъ Патріотическій, бывшій подъ вѣдѣніемъ императрицы Елизаветы Алексѣевны. Съ 1816 г. началась служба его при военно-учебныхъ заведеніяхъ, именно при Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ; впослѣдствіи онъ преподавалъ также въ Пажескомъ

[1]) Отдѣленіе, желая пополнить свои матеріалы для біографіи уважаемаго сочлена, обращалось къ Юлію Константиновичу съ покорнѣйшею просьбой о сообщеніи оставшихся послѣ отца его, какъ слышно было, записокъ; но изъ отвѣта его превосходительства съ сожалѣніемъ узнало, что въ бумагахъ Константина Ивановича остались «только бѣглыя замѣтки о его частной, такъ-сказать, семейной жизни, и то доведенныя только до 1825 года, которыя не могутъ войти въ его біографію, ибо чужды ученой и административной дѣятельности умершаго».

корпусѣ и въ Юнкерской школѣ. Въ 1828 г. онъ назначенъ былъ инспекторомъ классовъ въ Патріотическомъ институтѣ; въ 1830 г. оставилъ службу при Екатерининскомъ. Занятія его съ Наслѣдникомъ престола начались уже въ январѣ 1828 г., когда Его Высочеству не совершилось еще и 10-ти лѣтъ отъ роду. Вскорѣ затѣмъ ему поручены были уроки Великимъ Княжнамъ Маріи и Ольгѣ Николаевнамъ, а позднѣе—Маріи и Елизаветѣ Михаиловнамъ. Почетная извѣстность, пріобрѣтенная Плетневымъ на поприщѣ преподаванія и литературы, была поводомъ къ тому, что министерство народнаго просвѣщенія въ 1832 году вызвало его на каѳедру русской словесности въ петербургскомъ университетѣ и Главномъ Педагогическомъ институтѣ, съ званіемъ ординарнаго профессора, вслѣдствіе чего и оставлена имъ служба въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1837 г. онъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники за службу при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, а въ февралѣ 1840 г. избранъ университетскимъ совѣтомъ въ должность ректора на четыре года. Вскорѣ послѣ того, въ іюнѣ мѣсяцѣ, финляндскій университетъ праздновалъ 200-лѣтній юбилей своего существованія, и Плетневъ, отправленный въ Гельсингфорсъ депутатомъ отъ петербургскаго университета, былъ возведенъ тамъ въ званіе почетнаго доктора философіи. Еще два раза возобновлялось избраніе его въ ректоры. Когда же въ 1849 г. русскіе университеты лишились этого права, то Плетневъ былъ утвержденъ въ прежнемъ званіи правительствомъ и оставался ректоромъ петербургскаго университета до прекращенія въ немъ лекцій, вслѣдствіе печальныхъ обстоятельствъ, осенью 1861 года. Въ продолженіе почти 22-хъ-лѣтняго занятія этой должности онъ, во время отсутствія попечителей, нѣсколько разъ управлялъ округомъ и предсѣдательствовалъ въ цензурномъ комитетѣ. Въ 1841 году Плетневъ приглашенъ былъ въ члены возникшаго тогда въ Академіи Наукъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, а въ 1859 году, по выбытіи И. И. Давыдова изъ должности предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи,

назначенъ былъ, по установленному порядку, на два года въ эту должность, въ которой былъ утверждаемъ и послѣ еще два раза, такъ что она оставалась за нимъ до марта 1865 года. Въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни онъ, никогда не бывавши прежде за-границей, ѣздилъ, три раза въ чужіе краи и жилъ тамъ по большей части въ Парижѣ; въ третій разъ онъ оставилъ Россію въ августѣ мѣсяцѣ 1863 года, вслѣдствіе образовавшейся у него въ лѣвомъ ребрѣ раны и сопряженнаго съ тѣмъ общаго разстройства здоровья. Крѣпкое отъ природы сложеніе, при помощи умѣреннаго климата, дало ему возможность прожить съ этою изнурительною болѣзнію еще два съ половиною года. Наконецъ силы однакожъ его истощились: 24-го декабря прошлаго года онъ слегъ и почувствовалъ приближеніе смерти. Послѣдніе четыре дня его жизни, въ которые онъ почти до конца сохранялъ полное сознаніе, оправдали давно извѣстное всѣмъ близкимъ къ нему высокое его духовное развитіе. Онъ угасъ спокойно въ 5-мъ часу утра, 29-го декабря.

Отлагая до другаго времени болѣе подробную характеристику его замѣчательной личности, вмѣстѣ съ полнымъ исчисленіемъ и обзоромъ литературныхъ трудовъ его, позволю себѣ здѣсь лишь нѣсколько бѣглыхъ указаній. Плетневъ никогда не былъ въ полномъ смыслѣ ученымъ; въ природѣ его недоставало нѣкоторыхъ условій, необходимыхъ для постоянной чисто-научной дѣятельности. Въ ту эпоху, когда онъ избранъ былъ сперва въ профессоры, а потомъ въ академики, требованіе строго-ученаго характера въ разработкѣ знаній о литературѣ не обозначилось у насъ еще такъ опредѣлительно, какъ теперь. Притомъ, тогда Плетневъ давно уже пользовался заслуженною извѣстностью въ той области литературы, которая можетъ процвѣтать не иначе, какъ на почвѣ науки. Я разумѣю область критики. На это поприще онъ вступилъ уже лѣтъ 30-ти отъ роду, почти въ то же время, когда ничалъ печатать стихи. Какъ членъ «Вольнаго Общества Любит. Росс. Словесности», издававшаго журналъ *Соревнователь просвѣщенія и благотво-*

ренія, онъ еще въ 1821 г. читалъ въ одномъ изъ засѣданій Общества *краткое обозрѣніе русскихъ писателей*. Вскорѣ послѣ того начинается въ этомъ журналѣ рядъ критическихъ статей его, предметомъ которыхъ были многія изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній тогдашней литературы, напр. идиллія Гнѣдича *Рыбаки*, *Шильйонскій узникъ* и *Орлеанская Дѣва* Жуковскаго, *Кавказскій плѣнникъ* Пушкина. Иногда же онъ обращался къ русскимъ писателямъ XVIII-го столѣтія. Большая часть этихъ критическихъ статей должны были останавливать на себѣ вниманіе лучшихъ современныхъ литераторовъ, потому что обнаруживали рѣдкое знакомство съ дѣломъ, глубокоразвитое эстетическое чувство и высокую степень критическаго дара. Среди другихъ литературныхъ разборовъ того времени, представляющихъ много страннаго по нынѣшнимъ понятіямъ, рецензіи Плетнева еще и теперь поражаютъ насъ не только свѣжестью нисколько не устарѣвшаго языка, но и вѣрностью мыслей, отчасти новыхъ для того времени, наприм. о превосходствѣ народной поэзіи, о неестественности требованія трехъ единствъ въ драмѣ, объ употребленіи 5-ти стопнаго ямба въ этомъ родѣ поэзіи, о слабыхъ сторонахъ *Кавказскаго плѣнника*, о подражаніяхъ Пушкина Байрону и т. п. Зрѣлость тогдашнихъ критическихъ статей Плетнева должна быть цѣнима тѣмъ выше, что наша литература почти не представляла ему образцовъ въ этомъ родѣ. Сверхъ теоретическаго своего значенія, его статьи имѣютъ еще и ту цѣну, что могутъ служить очень полезными матеріалами для исторіи литературы своего времени. Кромѣ *Соревнователя*, критическіе труды Плетнева являлись также въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* и другихъ альманахахъ и журналахъ, потомъ въ *Литературной газетѣ* Дельвига, въ *Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду*, и наконецъ въ *Современникѣ*, который онъ издавалъ въ теченіе 8 лѣтъ (1838—1846) и гдѣ, между многими слишкомъ краткими и нѣсколько уклончивыми отзывами о явленіяхъ тогдашней литературы, попадаются однакоже и подробныя критики, обли-

чающія тонкаго знатока литературы и человѣка, искусившагося въ опытахъ жизни: здѣсь можно указать на его разборъ «Мертвыхъ душъ» Гоголя, «Тарантаса» графа Соллогуба, стихотвореній Баратынскаго и «Опыта исторіи русской литературы» А. В. Никитенко.

Что касается до стихотвореній Плетнева, печатавшихся въ 1820 годахъ, то на первый случай упомяну только, что они пользовались уваженіемъ въ кругу первоклассныхъ поэтовъ того времени—не только сверстниковъ его, но и людей прежняго поколѣнія. Дарованіе, обнаруживавшееся въ двоякихъ трудахъ Плетнева, объясняетъ намъ то почетное положеніе, которое онъ занялъ въ литературѣ и о которомъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ посвященіе ему Пушкинымъ «Евгенія Онѣгина». Въ этомъ посланіи говорится также о *прекрасной душѣ, исполненной святой мечты, высокихъ думъ и простоты*, и въ этихъ словахъ мы находимъ указаніе на другую сторону существа Плетнева, которая должна была доставлять ему сочувствіе всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ и умѣвшихъ цѣнить въ писателѣ *человѣка*.

Если Плетневъ не издавалъ чисто-ученыхъ трудовъ, то не надобно однакожъ думать, чтобы онъ остался чуждъ внимательнаго изученія своего предмета. Не говоря объ обширной начитанности, пріобрѣтенной имъ еще въ молодости, замѣтимъ, что онъ, немедленно по предложеніи ему каѳедры, приступилъ къ составленію записокъ по исторіи русской литературы. Онѣ были доведены имъ до временъ Петра Великаго, и хотя не представляютъ самостоятельныхъ изслѣдованій, однакожъ показываютъ прилежное ознакомленіе со всѣми имѣвшимися тогда по этой части печатными источниками. Здѣсь мѣсто упомянуть также о небольшой книжкѣ, напечатанной имъ въ 1835 году по преподаванію исторіи русской литературы Наслѣднику Цесаревичу. Всѣ занимавшіеся съ Его Высочествомъ преподаватели получили тогда вызовъ напечатать употреблявшіяся ими при этихъ занятіяхъ пособія, и вслѣдствіе того, въ то же вре-

мя какъ Арсеньевъ издалъ свою статистику, Плетневъ напечаталъ, впрочемъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, свой *хронологическій списокъ русскихъ сочинителей и библіографическія замѣчанія о ихъ произведеніяхъ*, книжку, о которой недавно съ уваженіемъ было упомянуто въ печати лицомъ, желавшимъ узнать имя неназваннаго при ней автора.

Отчеты Плетнева по с.-петербургскому университету и по Отдѣленію русскаго языка и словесности, хотя и неизбѣгли нѣкоторыхъ обыкновенныхъ недостатковъ этого рода сочиненій, всегда сохранятъ однакожъ значеніе необходимаго пособія для будущаго историка русскаго просвѣщенія въ періодъ, ими обнимаемый (1840—1860). Отчеты Плетнева по Отдѣленію, до 1851 года включительно, изданы были особою книжкою еще въ 1852 году, подъ надзоромъ самого составителя ихъ; собраніе отчетовъ за послѣдующіе годы, отчасти писанныхъ другими, печатается въ настоящее время.

Отдѣльно напечатаны еще слѣдующіе труды Плетнева: 1) Жизнь и сочиненія И. А. Крылова, 1847 года; 2) О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго, 1853 года; 3) Памяти графа С. С. Уварова, президента Императорской Академіи Наукъ, 1855 г. [1]).

[1]) Остались ли послѣ Плетнева какія-либо важныя бумаги, намъ еще неизвѣстно. Достовѣрно то, что у множества лицъ должно быть разсѣяно большое число писемъ Петра Александровича, который всегда отличался исправностью въ корреспонденціи, и мы считаемъ долгомъ заявить, что всякое его письмо, имѣющее значеніе или интересъ, будетъ принято нами съ благодарностью и съ обязательствомъ возвратить доставленный намъ документъ, куда будетъ указано.